

Объяснять, кто такой Александр Невзоров, кажется, никому не нужно. “600 секунд”, “Наши”, “Чистилище”, Госдума, пауза. Теперь, спустя время, Александр Глебович появился в авторском проекте “Лошадиная энциклопедия” на Первом канале. Никакой политики, никаких баррикад и войн — только баланс, пиафы и испанская рысь. Он изменился внешне, выглядит немного усталым. Но в то же время не изменил своим принципам. И это заслуживает уважения.

ТЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Александр НЕВЗОРОВ: «В последнее время я на панель не бегаю»

— Александр Глебович, что должно произойти в мировоззрении человека, чтобы он из информационного киллера превратился в мирного и добропорядочного рассказчика о лошадях?

— Во-первых, я никогда не был информационным киллером. Это все была моя тень. Ну а добропорядочным я не стал, даже занимаясь лошадьми, потому что та же “Лошадиная энциклопедия” — это вызов почти всему лошадиному сообществу. Это обвинение многих людей, в том числе и очень заслуженных, в идиотизме, жестокости, глупости и непонимании того, чем они занимаются. Поэтому назвать это таким уж мирным я бы поостерегся. Я, конечно, не ставил себе целью, чтобы в результате выхода “Энциклопедии” десяток спортсменов повесился, хотя был бы не против, но это явно не мирное произведение. Поговорите с лошадиниками — и вы поймете, что они, слава богу, в страшной ярости.

— Вам уже предъявляли какие-то обвинения?

— Мне поступают абсолютно полярные реакции, как и на все, что я делаю. Это либо открытые

письма с просьбой начать учить тому, что умею я, либо откровенный, злобный вой. Но я привык к этому. Вообще самая рентабельная форма — это революция. Не имеет смысла приходить в какую-то область и не совершить там революции. Это потеря времени. И точно так же, как когда-то это было в информационном репортерстве, то же самое, вероятно, произошло сейчас и в “лошадизме”.

— В последних интервью вы говорите, что совсем отошли от политики и отныне занимаетесь только лошадьми. Вы разочаровались в политике или она перестала вам быть интересной?

— Для кого-то политика — это наркотик, от которого, если он получил некоторую дозу, потом невозможно никогда оправиться. Допустим, Немцов — видно, что человек не может без этой дозы, не может жить без логотипа “СПС”. И если его перестать показывать по телевизору и не дать возможности рассуждать на эти темы — он умрет и превратится в пригоршню праха, которую потом сметет со стула какая-нибудь баба Клава-уборщица. Я никогда

МК БУЛЬВАР. - 2004. - 7-13 июня. - с. 44-48

всерьез полигоном не занимался, моя любовь к участию в переговорах, путчах, войнах и всяких обращениях к народу — это детские шалости. И вообще все это делал не я, это была тень.

— И тень очень неслабо действовала на этом поприще.

— А тень иногда побеждает. Тень — она же очень могучая. Чего отрещиваться-то?..

— Чем же вы сами занимались, пока работали тень?

— Размышлял, как, когда мне удастся победить тень и присвоить все, что она собрала (имею в виду всякие дивиденды), буду заниматься лошадьми.

— Теперь понятно, почему вас не видно было на заседаниях в Госдуме. Это же была тень.

— Ну что значит “не видно”? Обвинять меня можно сколько угодно. А можно взять и поднять протоколы — на каждом или почти на каждом заседании я зарегистрирован. Но давайте как-нибудь обогнем эту неприятную и сложную для меня тему.

— Вы будете что-то делать на ТВ, когда закончится 10-серийная “Энциклопедия”?

— Займусь следующим проектом. Первый канал, насколько я понял, расположен эксплуатировать меня беспощадно. Но смысла и содержания проекта я пока не могу раскрывать. Скажу только, что косвенно он будет тоже о лошадях. А все, что я теперь ни делаю, я делаю только о лошадях. Когда обсуждалось мое участие в какой-то политической передаче, меня спросили: если речь коснется принципиальных вопросов, я буду говорить то, что надо, или то, что думаю? Я сказал: то, что думаю. Все приуныли. И тогда Костя Эрнст с просветленным лицом сказал: “Глебич, а что для тебя принципиальный вопрос?” Я говорю: “Для меня много принципиальных вопросов. Например, наличие или отсутствие недоузда на выводе. А все остальное, типа судьбы Отечества, меня мало волнует”.

— Решение пойти учиться в конную школу “От Эколь” далось вам очень сложно. Почему?

— Потому что я был такой же скотиной, как и все остальные. Меня учили быть скотиной, объясняли ра-

дость скотства, объясняли, что никакого другого пути, кроме скотского, тупого и примитивного, в отношении с лошадьми не существует. Но потом я сообразил, что в конно-спортивную школу меня привела любовь к лошади, а то, чем я занимаюсь, ни малейшего отношения к любви не имеет. Тогда я понял, что надо себе честно сказать, что я вообще ни хрена не умею, что я полный ноль. Что весь опыт, который у меня был, опыт отрицательного характера. Это трудно сделать взрослому мужику, который состоялся в тех или иных областях. Полностью наступить себе на горло и начать жить по-другому.

— То есть это не значит, что вы изменились как-то внутренне, подобрали, что ли...

— Так дело же не в доброте. Жестокость — очень хорошая вещь. Классная. Жестокость великолепна, когда действует спецназ при освобождении заложников. Хороша жестокость на красивой войне между людьми. Жестокость — великолепная краска в кинематографе у того же Такеши Китано. Но есть области человеческих взаимоотношений, где жестокость абсолютно недопустима — просто потому, что имеет нулевую результативность. Это отношения с любимым человеком. Помилуй Бог: каким надо быть придурком, чтобы быть в этих отношениях жестоким? И главное, что вы ничего не добьетесь. Вы только разрушите отношения. То же самое с лошадью. Коль скоро речь идет о любви, о той странной психофизиологической тяге, то эти отношения и должны быть основаны только и прежде всего на любви. А где вы видели любовь, которая может изнасиловать? Это для маньяков только.

— Вас как специалиста приглашают работать с лошадьми в Чехию и Арабские Эмираты...

— Да, там у меня есть разовая работа. Я готовлю лошадей для кино либо обучаю старинной школе езды, занимаюсь дрессажом лошадей, которые работают без всяких уздечек, ремней, совершенно свободные и тем не менее идеально слушаются.

— Это высоко оплачивается?

— Очень. Это дорогое ремесло. Даже не обсуждается.

что осталось за кадром на прошлой неделе

Владимир ЧИСТЯКОВ

Тех, кто смотрел выпуск программы “Намедни” от 23 мая, еще несколько дней волновал один вопрос: это каким же мужеством надо было обладать телеведущей Иоланде Чен, чтобы на всю страну показать, как

ей делали пластическую операцию и, извините, откачивали лишний жирок с проблемных зон? Вот она, героиня, перед вами!

Иоланда Чен:

— Как я на это решилась? Да легко. Без единой задней мысли. И никакого смущения не было. Смущаться надо неправды, а правды смущаться смешно. Вообще все мои знакомые сказали, что сюжет получился очень хороший, тактичный и с юмором. Все отреагировали положительно. А на

РЕЙТИНГИ ТЕЛЕПЕРЕДАЧ

за неделю с 17 по 23 мая

По данным TNS Gallup Media
(опрос московской аудитории от 4 лет и старше)

ТОП 5 РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕДАЧИ

№	название	канал дата/время	рейтинг
1	Кривое зеркало	Россия 23.05/21:20	9,6%
2	Фабрика звезд-4	Первый 21.05/21:30	9,0%
3	Михаил Задорнов «Египетские ночи»	Россия 20.05/23:20	8,0%
4	Юбилейный концерт Д. Тухманова	Россия 21.05/21:00	7,9%
5	КВН-2004 Высшая лига	Первый 23.05/18:45	7,6%

ТОП 5 ТЕЛЕСЕРИАЛЫ

№	название	канал дата/время	рейтинг
1	Улицы разбитых фонарей	Первый 18.05/21:35	12,8%
2	Господа офицеры	НТВ 19.05/19:40	9,6%
3	Бальзаковский возраст	НТВ 18.05/20:50	9,1%
4	Против течения	Россия 19.05/21:00	7,7%
5	Клон	Первый 17.05/18:50	6,0%

ТОП 5 ФИЛЬМЫ

№	название	канал дата/время	рейтинг
1	Эволюция	Первый 23.05/21:45	12,4%
2	Жадность	Первый 23.05/14:20	5,9%
3	Маленькие солдаты	Первый 22.05/18:10	5,7%
4	Кладбище домашних животных	СТС 19.05/21:00	4,7%
5	А зори здесь тихие...	Первый 22.05/12:10	4,7%

счет оператора мы, честно сказать, преувеличили. Никто в обморок не падал, потому что все операторы, особенно наши спортивные, и Сережка Соловьев в том числе, — операторы с большой буквы, большие профессионалы. Как он мне потом признался, он испытал такое легкое, неприятное недомогание, которое бывает у всех мужчин при таком зрелище, но в обморок, конечно, не падал. Так что его головокружение мы решили вот так вот обыграть. Довольна ли я результатом операции? Ну конечно. Даже более чем.

В последнее время Невзоров всерьез увлекся индианистикой и в ближайшее время собирается заняться изданием русско-лакотского словаря. На фото — со своим другом Пятнистым Бизоном.

— Сколько у вас своих лошадей?

— Сейчас — три.

— За ними ухаживает ваша супруга?

— Супруга, плюс еще один человек, который этим занимается, ну и я сам. Три лошади — это не нагрузка. Люди привычные, а мы живем с лошадьми уже десять лет, это вообще делают играючи.

— Ваша супруга Лидия Невзорова значится в титрах «Лошадиной энциклопедии» как научный консультант-ипполог...

— Да, Лидя и сейчас учится в Англии, в Уорвикширском колледже, в университете Харпера Адамса на факультете иппологии. Она окончила с отличием Стаффолдский колледж иппологии, и это дало ей право поступить в Уорвикширский. Она этого хотела и это получила. В России такой профессии нет.

— Вы легко отпустили ее за границу?

— Тяжело. Так я как бы и не отпускал. Я сам езжу с ней вместе. У нас не принято друг друга отпускать. Она ездит туда только сдавать сессии и практические работы. И это, конечно, очень удобно.

— Знаете, Александр Глебович, в представлении многих вы — человек с очень сложным характером. Интересно, а Лидя может вами командовать?

— Может, конечно. В вопросах, которые она понимает лучше, чем я. И вообще: может ли мной, с моим нелегким характером, командовать водопроводчик, который пришел чинить кран? Может. Так что нелегкий характер здесь абсолютно ни при чем.

— А вы согласны с тем, что характер — сложный?

— Да легкий на самом деле. И хороший я, и отходчивый... Горячий, конечно. Но не до патологии.

— А что за история, когда во времена вашего знакомства с супругой она у вас «проходила жестокие испытания» — вы ее оставляли одну, в промерзшем доме...

— Да это скорее было сказано для красного словца. У меня не было желания ставить опыты и смотреть, выдержит она или нет. Нам просто негде было жить, и тот дом — единственное, что у меня тогда было. Я отдавал себе отчет, что девочка может и не выдержать. Но у меня ничего другого не

было. Там не было канализации, водопровода, отопления — мне было некогда этим заниматься. У Лиды был карданный вал от «Запорожца», который она привязывала к веревке, сбрасывала в колодец, чтобы разбить там лед, и таскала оттуда воду. Но это не было специальной школой жизни. Я сам так жил.

— А как вы поняли, что Лидя — это действительно то, что вам нужно?

— Понимаете, невозможно просто восхищаться женщиной на том основании, что она очень красива. Женщина, как и любой человек, должна заслужить право на огромное уважение. Оно не может возникнуть одновременно в первый месяц или год знакомства. Уважение — такая жестокая штука, которую нужно завоевывать тяжелым трудом. И ей это удалось. Удалось добиться прежде всего уважения и преклонения. Она оказалась поразительным человеком по силе, мудрости, таланту, по желанию и способности учиться.

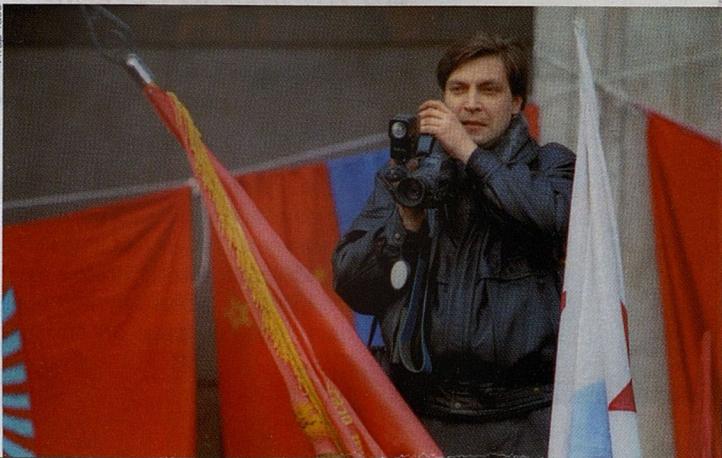

— 12-летняя разница в возрасте сказывается на ваших отношениях?

— Нет. Не знаю, заметно это или нет, но я больший хулиган, чем она, и больший мальчишка, чем она. У Лиды только два недостатка: она не хулиганка, и она не любит драться на саблях.

— Лидя, кажется, давно не против расширения семьи...

«Моя любовь к участию в заговорах, путчах, войнах и всяких обращениях к народу — это детские шалости. И вообще все это делал не я, это была моя тень».

«Я знаю, как можно легко кого-то опускать и легко покрывать слоем кала нужной толщины. Периодически я консультирую на этот счет — это вопрос цены. А кого покрывать — мне совершенно без разницы. Потому что они все одинаковые».

«Лошадь и спорт — вещи несовместимые. Нормальный спорт — это собственный пот, кровь, собственное мастерство. А конный спорт — это паразитация на физических возможностях другого существа, которое не согласно этим заниматься».

— Сейчас нам нужно закончить картину: мы снимаем двухсерийный вариант “Энциклопедии” для Европы. Это поглощает все время. А дети... Их воспитывать гораздо труднее, чем лошадей.

— **Вы общаетесь со своей дочерью Полиной от первого брака?**

— Очень мало. У нее уже есть своя семья, так что я стараюсь в это вообще не вступать. Она абсолютно взрослый человек и живет своей жизнью.

— **Александр Глебович, а у вас много друзей?**

— Много.

— **Есть друзья, с которыми вы сохраняете дружбу многие годы?**

— Совсем старых нет. Людей, с которыми я вместе учился в школе, работал на трюках, — очень жестоко деформировала жизнь, и мне всегда немножко неловко перед ними. Они-то помнят, что мы стартовали примерно с одной линии, и мне перед ними жутко неудобно за то, что у меня была серия таких удач, назовем это деликатно.

— **А вот ваши коллеги по программе “600 секунд” придерживаются противоположного мнения...**

— Они никогда не были мне друзьями. Света Сорокина никогда не была мне другом. Света Сорокина — женщина, следовательно, дружить с нею невозможно. У нее всегда были лидерские замашки, и ее уход из “Секунд” был только ее проблемой. Что касается всех остальных — это были союзники, партнеры, но никак не друзья.

— **Раз уж заговорили о Сорокиной, ваш конфликт до сих пор остается неисчерпанным?**

— Вы знаете, Свете глубоко по барабану, суще-

ствует ли на свете Саша Невзоров. Мне тоже глубоко по барабану, есть ли на свете Света Сорокина. Мы никак не соприкасаемся и друг друга не интересуем. Не было никакого конфликта. Был Светин ход: она сочла, что ушедшая со скандалом будет привлекательнее для зрителя, чем смиренно и бесцветно остающаяся. Это правильно — так ей удалось повысить в цене.

— **Вы любите вспоминать времена “600 секунд”?**

— Нет. Совершенно неинтересное мне время. Даже ничего похожего на ностальгию нет. Это все существует уже давно вне меня.

— **А если вам скажут просто: надо! — ваша тень может выйти из тени?**

— Вопрос цены.

— **То есть работу, которую вы умеете делать, вы еще готовы делать?**

— Да. Но без удовольствия. Вопрос цены.

— **Некорректный вопрос: дорого оцениваете свои услуги?**

— Да по-разному. То, что доставляет удовольствие, я могу и так просто сделать. А там, где надо жертвовать какими-то идеалами юности...

— **А предложения поступают? Допустим, не появляясь на экране, вы можете выступить консультантом в чьей-то политической программе?**

— Я периодически в этом участвую, когда очень много платят. И ни капли не персонифицирую для себя мишени. Но это бывает очень редко. А последнее время я вообще на панель не бегаю.

— **Когда-то вы пели в церковном хоре. Помните что-нибудь из репертуара?**

Когда Александр Невзоров делал предложение руки и сердца своей будущей супруге Лидии, она была еще молода и не могла принять за себя ответственное решение. “И мне пришлось их принимать за нее, как более старшему и умному. Я просто сказал: “Ты выходишь за меня замуж” — и никаких возражений не принимал”, — говорит Невзоров.

Сейчас все свое время Александр Невзоров посвящает двухсерийной картине о лошадях — сокращенному варианту «Энциклопедии», который захотели приобрести в Европе.

— Да все помню. Все службы наизусть. Спросите конкретно — какая часть, какая стихира, какой ирмос, какая часть службы, утренняя, вечерняя, литургия — что хотите? «Херувимская», «Милость мира», «Взбранной воеводе», каноны 7-го, 5-го гласа.

— Сдаюсь, верю. А вы крещеный человек?

— Вроде да. Но мне это совершенно безразлично. Для меня церковь не в состоянии ответить ни на один из серьезных вопросов. Плюс ни один поп мне так и не объяснил, почему этот ихний Иисус так и не сел на лошадь, а в Иерусалим въехал сидя на осле, — что за понты вообще?... Ну, если не умел парить, тогда нам не по пути.

— Можете назвать какие-то свои слабости?

— Слабости?... Хороший виргинский табак, индийский бисер и удобное одеяло. В последнее время я увлекся индианистикой.

— Алкоголь?

— Я не пью ничего никогда. Никогда не пил и никогда не пробовал.

— Как это?

— А чего здесь такого? Ну не пробовал я этого.

— Никогда ни капли алкоголя не брали в рот?

— Никогда. Не верится? А зря. Вот вы когда-нибудь ели свиной кал?

— Нет.

— А почему?

— Ну он вроде бы несъедобный...

— Вот, с моей точки зрения, алкогольные напитки точно такие же несъедобные. Это невкусно, неинтересно, и ощущение от этого — омерзитель-

ное. Притом что я очень люблю пьянство, алкоголизм, всегда дам любому алкоголику на опохмелку, а сотрудникам, которые у меня на картине уходили в алкогольный запой, я всегда повышал зарплату. Но сам я в этом не участвую.

— Сильно. Александр Глебович, есть какие-то поступки из вашей теневой жизни, за которые вам до сих пор неудобно?

— Что касается политики — мне за все удобно. Никаких угрызений совести нет. И вообще угрызения совести по данному вопросу — не ко мне.

— А есть ли сегодня что-то такое, чего бы вы никогда не сделали из того, что делали раньше?

— Ну как сказать... Вот только что касается жестокости по отношению к лошадям. А все остальное — вопрос цены.

P.S. — А почему вы такими большими глазами смотрели на меня во время моей искренней заалкогольной тирады? Вы же не похожи на пьяницу. Вы так удивились...

— Я абсолютно не пьяница, но думаю, что любой человек в жизни по крайней мере один раз точно пробовал алкоголь.

— Нет, меня как-то бог миловал. А сейчас мне уже поздно. Да я и не хочу. Я и мяса не ем. Давно и абсолютно принципиально. И эта принципиальность уже превратилась в физиологическое неприятие. Если мне предложат выбрать — либо смерть от голода, либо котлету, — я выберу первое. Ну от голода, конечно, не умру, но котлету точно не съем, ни под каким видом.

«Голос у меня хороший и очень громкий. Когда я пел в церковном хоре, я считал день прожитым зря, если мне не удавалось переорать хор в сорок человек. Почти всегда удавалось».